

АЛЕКСАНДР БРЕНЕР, БАРБАРА ШУРЦ

London calling (памяти Джо Страммера)

Город Лондон прекрасен, в нём всюду идут часы.
Иосиф Бродский

Существует ли город Лондон для крошечных мушек, которые слетаются на конские яблоки, валяющиеся на треке для наездников, опоясывающем Гайд-парк? Существует ли город Лондон для жирного самоупоённого кота из Южного Кенсингтона, который сидит на подоконнике викторианского дома и следит за тенями на асфальте? Существует ли город Лондон для стремительных крыс, выпрыгивающих то там, то сям на рельсы метро в отсутствие поездов, которые появляются неизменно переполненными? Существует ли город Лондон для белых инкубаторских кур, истерически кудахчущих в предчувствии ножа в высоком страшном гараже на улице Вентворс в Ист-Энде? Существует ли город Лондон для маленькой лисицы с затравленным взглядом, роющейся на помойке в Хокстоне и забредшей сюда с пустошей Сомерсета? Существует ли город Лондон для умершей от рака груди Кэти Акер, написавшей в 1990-м году, что классовое общество в Англии процветает и свирепствует как никогда? Существует ли город Лондон для покойного Артюра Рембо, который скромно наслаждался и тихо буйствовал здесь вместе с Верленом в далёком 1872-м году? Существует ли этот прекрасный город для маленьких английских солдат, убитых на полях сражений в Европе во время Первой Мировой войны? Существует ли Лондон для призрака Карла Маркса, который до сих пор бродит по Британскому Музею и изредка издаёт пронзительные вопли, на которые утробно откликается его вечный оппонент Бакунин? Существует ли, существует ли Лондон? О, да-да! Sure, чёрт возьми, город Лондон существует и для них, и для вопящих чаек в Челси, и для бледногрудых проституток, убитых красноротым Джеком Потрошителем, и для жаренного цыпленка в ресторанчике Сохо, и для расчленённого трупа чёрного ребёнка, выловленного недавно в Темзе, и для останков Уильяма Блейка, покоящихся на небольшом туристическом кладбище неподалёку от Сити. О, да, да! Город Лон-

дон, конечно же, существует не только для нетленного Нобелевского лауреата и одного из бессмертных менеджеров русской поэзии Иосифа Бродского, но и для нигерийских эмигрантов, ломящихся сюда, как в земной рай, как в пещеру Алладина, и для беженцев из Афганистана, ожидающих своей очереди в лагере возле Дувра, и для рабочих из Бангладеш, живущих по десять человек в одной комнатухе, и для Бориса Березовского, которого восхищённые русские туристы встречают на Пикадилли нежными овациями, и для грибка на ноге этого знаменитейшего из современных олигархов, и для его дорогостоящего доктора. Существует, существует! Более того, можно предположить, что он, этот Пуп Либерализма, этот Анус Имперского Духа, эта обитель чистильщиков сапог и их клиентуры, существует даже и для несчастных, впавших в ничтожество, волос, уже давно вывалившихся из головы г-на Березовского и улетевших куда-то то ли в Бирмингем, то ли в Льеж. Скажем прямо: Лондон существует для всех, всех, всех, потому что это вечная мультикультуралистская столица Британской короны, дом её величества королевы Елизаветы (и её подданных) и резиденция её гениальнейших премьеров — мадам Тэтчер, мистера Джона Мэйджора и их обаятельного ублюдка Тони Блэра!!! Bravo, bravo! Какая плеяда, какая традиция, какая преемственность! Какой блеск, какие манеры, какая демократия! вспомните хотя бы Сесилия Родса! Или Лоуренса Аравийского! Или барона Лайонеля Ротшильда! вспомните всех этих шпионов, колонизаторов, писателей, банкиров, торговцев, изобретателей... А потом вспомните луддитов, «чартизм» и все эти мануфактуры, тюрьмы и работные дома, о которых писал Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии»! Вот это свинство, вот это либерализм! Вот это богадельня! Малкольм Макларен и Стюарт Хоум по праву могут гордиться тем, что они родились и выросли на этой деликатной жирной туберкулёзной земле, омываемой кровавым тёплым коварным Гольфстримом. Здесь в марте цветут магнолии, здесь копы ходят без пистолетов, с одними дубинками. Bravo, bravo! Да, город Лондон прекрасен, как сказал наш прекрасный метафизический Иосиф, так восхищавшийся Джоном Донном и Оденом — ещё двумя нетленными, о, сладкоголосыми, о, восхитительными, тенями из божественного, о, божественного, сонма.

Что же касается часов, которые якобы идут тут повсюду, то, дорогие читатели и читательницы, ради всего святого не забывайте исторический наказ одинокого путника Вальтера Бенъямина: стрелять по часам. Стреляйте по часам!

Мы ли не забыли, как жить в опасном и обваливающемся времени коллективных поступков и решений, а не в мельтешащем беличьем колесе? Мы ли не забыли, что история — это рискованное восхождение человеческого духа, а не парадная дорога для королевского (или президентского) транспорта? Мы ли не забыли, что жизнь — это приключение, а не механическое переключение телевизионных каналов?

Поэтому: стреляйте по часам! Немедленно. Стреляйте по часам!

Читатель! Читательница! Осознайте, что нужно разрушить гладкий ход вещей, предписанный циферблатами тюремщиков, чиновников и туристических агентств! Осознайте, что конструирование и пестование собственного исторического времени есть свойство несломленных людей. Часы, их цифры и их стрелки, вовлекающие нас в трусливый миропорядок хозяйничающих тараканов, должны слететь с башен и тумбочек этой планеты. Стреляйте по часам! Стреляйте по часам! Стреляйте по часам!

Неплохо бы начать с Большого Бена. Бум-бум-бум! А впрочем, никаких советов и рецептов. Начинайте с того, что вам покажется ближе и ненавистней.

Лишь маленькая историческая справка: в период Июльской революции во Франции неподчинение господствующему буржуазному времени самым недвусмысленным образом проявилось в действиях восставших. Вечером первого дня борьбы выяснилось, что во многих местах Парижа независимо друг от друга и одновременно люди стреляли по башенным часам. Какое блаженство! Какое веселье! То же самое случилось во время Парижской Коммуны. Так революционная богохульная Франция изысканно солидаризировалась с могучим и спонтанным луддитским жестом, никогда не исчерпавшим своего значения.

Но что сказал бы по этому поводу великий Бродский?

Неизвестно. К этой музыке он был абсолютно глух. В принципе, это был весьма консервативный, даже реакционный, тип, как и большинство поэтов-лауреатов. На что сетовал ещё автор «Чайльд-Гарольда».

Точнее и непреклоннее всех поэтических орнаментов Бродского (как сказал Адольф Лоос, орнамент — это преступление!), умнее всех его интеллигентски-туристических опусов о Марии Стюарт и «буксирах в Челси», — функционально-патетические строки Карлейля о рабочих бумагопрядильной промышленности. Вот он — Лондон, вот они — лондонцы: «Сегодня у них дела блестящи, завтра плохи — постоянная азартная игра, они и живут, как игроки: сегодня в довольстве, а завтра в нищенском прозябании. Мрачное, смутное недовольство — самое несчастное чувство, какое только может жить в груди человека, — пожирает их. Английская торговля с её конвульсивными колебаниями, распространяющимися на весь мир, с её ни с чем не сравнимым Протеем — биржей, сделала ненадёжными для них все пути и держит их как бы в заколдованном кругу. Трезвость, твёрдость, прочное спокойствие, первые блага человека, им чужды... Этот мир для них не родной дом, а мрачная темница, полная бессмысленных и бесплодных мук, возмущения, злобы и ненависти против себя самих и всего человечества. Что же это — мир, утопающий в зелени и цветах, устроенный и управляемый Богом, или это мрачно кипящий котёл, наполненный купоросными парами, хлопчатобумажной пылью, пьяными выкриками, яростью, завистью и мучительной работой — мастерская, устроенная и управляемая дьяволом?»

Тем не менее, London Calling! Лондон зовёт! Он зовёт богатых и бедных, знаменитых и безымянных, бизнесменов и беженцев, юных и прекрасных, как трясущиеся руки алкоголиков, а также упитанных и отвратительных, как муженёк Мадонны, тупо-циничных и глупо-восторженных, сдвухшихся и накаченных, пролетаризированных и обуржуазившихся, печальных (ирландцев) и горделивых (индусов), злобных маленьких провинциалов (Грэйс и Сара) и упивающихся своей исключительной subtilностью японцев (Танака-сан). Все они рвутся сюда, на Вечно Тучные Пастбища, потому что так уж их воспитали: хотеть всего, владеть всем, быть в центре всего. Обладать всем, всем, всем. Любой ценой. Так уж их, роскошных и нищих, могучих и слабых, научили их учителя — телевидение, газеты, туристические проспекты, журналы мод, рекламные брошюры, поганые книжки. Как говорил Пьер Паоло Пазолини: «общее обязательное порочное воспитание, которое всех нас толкает на арену обладания всем любой ценой». И, несмотря на чудовищную дороговизну и строгий пограничный контроль, все, все, все (ха-ха-ха-ха!) сюда каким-то образом просачиваются (ну, пожалуйста, хотя бы в лагерь беженцев!) и находят здесь своё место (хотя бы полотёра!), за исключением разве что сэра Скотта Кинга, бывшего члена палаты лордов, педофила. (Бедняжка, он просто хотел приголубить малютку!) И ещё Джеффри Арчера, знаменитого писателя и общественного деятеля, друга Маргарет Тэтчер, но, к несчастью, афериста. Да, да, да: тем, кто нарушает Закон, нет места в свободном Лондоне! Ни за что! Нет ниши! Правосудие не дремлет! Нет и нет! Нет значит нет! Даже если вы принадлежите к высшей элите, к королевской семье! Нет, нет, нет! Нет укрытия, шкафа, приступочки, трибуны, убежища! Честные лондонцы изблюют вас из души своей, из сердца своего, из мыслей своих, криминалы. Дерьмо.

Апувай, в Лондоне мы прожили целый год. У нас завелись тут друзья и приятели — Али, Асим, Энтони, Денис, Сэм. Каждый и каждая из них (Сэм — девушка), безусловно, приоткрыли нам свой собственный, особенный Лондон. Это было прекрасно, как часы. Или как зонтик. Или как их встреча в двуспальной постели бульдога принцессы Дианы. А ещё мы узнали *наш* Лондон, то есть *наш личный, персональный Лондон*, то бишь Лондон старой, бля, суки по имени **Фуйнансовая Необеспеченность**, бля.

Али был (и остаётся) сыном пакистанского эмигранта. Он выглядит как покрытый мощными вулканическими прыщами Будда. Он говорит с пронзительным лондонским акцентом (хокни!), на специальном молодёжном слэнге, так что понять его невозможно. Этот акцент он ещё нарочно усиливает, общаясь с иностранцами. Он много пьёт и ест, у него вечно гной в глазах, он водит машину, как стриптизёрша, спасающаяся от напившихся фашистов, и его Лондон — это Лондон тошноты и икоты, Лондон босых ног, засунутых в увесистые незашнурованные кроссовки, Лондон дешёвых спортивных нейлоновых костюмов, прожжённых сигаретами, Лондон красного

японского автомобиля, в котором моментально открывается морская болезнь, как при пересечении бульвара Распай на челне доктора Фаустролля. Вместе с Али, Асимом и Сэм (все – пакистанские дети) мы организовали группу-однодневку под названием «Ass-Experts» и выступали в панк-группе, где пели и играли на чужих инструментах, когда панки уже выдыхались и падали на табуреты, залитые портером. Мы вылезали на сцену, словно только что подружившие друг на друга подонки, и пародировали этих несчастных панков, измывались над ними и их жалкими песенками, ибо не желали нравиться разным там традиционным молокососам, и Али со своей электрической пианолой высился на сцене как статуя ублюдка, родившегося от соития Мальдорора и акулы, в то время как крошечный Асим дёргался подобно деморализованной обоссанной марионетке. Однажды Али повёз нас на своей красной машине к папаше Хассану в Южный Лондон, и после приступа рвоты, случившегося с одним из нас по дороге, а также припадков поноса, приключившегося с другой из нас уже дома у Али, мы оказались в грязной, вонючей комнате с занавесками, о которые кто-то систематически вытирал жирные руки, где отец нашего друга сидел, как и подобает всякому подлинному отцу – небритый, нечёсанный, в запятнанной какими-то подозрительными пятнами белой рубашке, с вывалившимся наружу брюхом, с непристойными толстыми волосатыми ногами, покрытыми расчесанными язвами, совершенно невменяемый, почёсывающий гениталии, рыгающий, одышливый, постанывающий (будто в заключительной фазе коитуса) и глядящий на своего сына, как жаба на болото. Повторяем: это был подлинный папа, восседающий на своём загаженном стульчаке посреди аутентичного мультикультуралистского Лондона, конечно, не Лондона марксистского профессора Стюарта Холла, написавшего проникновенные строки о сосуществовании цветных сообществ в этом отчуждённом мегаполисе, но посреди мультикультуралистского Лондона ужасающего эмигрантского одиночества и последней прострации. Однако в другой комнате это скорбного дома – в неприбранной и увешанной порнографическими картинками комнате Али – мы обнаружили великолепную библиотеку истинного автодидакта: том Рабле, том «Шагреневого шкура» Бальзака, «Elements of Refusal» Джона Зерзана, дешёвые издания Жерара де Нерваля, Бодлера и Томаса де Квинси, «Одиссею» Гомера, «Функцию оргазма» Вильгельма Райха, «Похождения бравого солдата Швейка», «Мусульманский Ренессанс» Адама Меца, «Короля Убу» Жарри, «О природе вещей» Лукреция, новейшие монографии по истории Йемена, Судана и Марокко, первый том «Капитала» Маркса, две книги Фернана Броделя, «Историю безумия» Фуко, том «Тысячи и одной ночи», сборник статей Анджелы Дэвис, «Введение в идеологию» Терри Иглтона, Коран и «Путешествия Гулливера» Свифта. Bravo, Али, bravo! Знание – сила! Всегда оставайся таким, как ты есть. Помни: леопард умирает со своими пятнами, а слон – со своими гигантскими ушами. И главное – никогда, ни при каких обстоятельствах не работай.

Формулируем чётко: общим источником деморализации и озлобленности населения современного Лондона (как, впрочем, и всего Земного Шара) остаётся, конечно же, принудительность наёмного труда. Если добровольная производительно-игровая деятельность является наивысшим из известных нам наслаждений (вместе с путешествиями и любовью!), то работа из-под палки — самое жестокое, самое унижительное оскорбление. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе глубоко противно! И чем сильнее, чем пронзительнее в работающем теле человеческие чувства, тем больше оно должен ненавидеть свою работу (свою халтуру!), так как острое ощущение принуждения и бесцельности трудового действия, как оно существует ныне, при капитализме, обязательно будет переворачивать душу и корёжить плоть работника (или работницы). Довольно же! Хватит! Ради чего вы работаете? Из любви к творчеству? Из естественных побуждений? Из солидарности с другими тружениками? никоим образом. Вы, лондонцы и москвичи, багдадцы и парижане, работаете ради денег, то есть ради вещи, которая с самой работой ничего общего не имеет. Вы работаете, потому что вынуждены работать. (А кто вас вынудил? И зачем?)

Таковым, в частности, был удел второго нашего лондонского друга — Асима, когда мы его только повстречали. Из-за известной слабохарактерности, запечатленной на чересчур изящном подбородке и смуглых девических скулах, он почти не пытался противиться паскудной идеологии наёмного труда. Закончив художественный колледж и не найдя себе применения в жестокой, авторитарной и тупой артистической среде Лондона, Асим служил на небольшой частной радиостанции в северной части города в качестве медиа-агента — вывешивал на сайте этой радиостанции какую-то мудацкую информацию. Он ненавидел себя, свою теперешнюю службу и свою несостоявшуюся карьеру художника. После службы он выглядел как увядший огурец, как засохшая слеза на шее старухи, как затвердевший кал на стене общественного сортира. Поэтому, посоветовавшись с Али, мы решили освободить Асима от его трудовой повинности. Оп-ля! Для этого мы просто побили стёкла в его офисе. Однажды тёмной ночью. На следующее утро наш друг был немедленно и со скандалом уволен. Какая несправедливость! Тогда-то он всецело посвятил себя занятиям психогеографией. Bravo!

Психогеография — это критическая дисциплина, занимающаяся исследованием специфических влияний и эффектов городской среды (улиц, проспектов, бульваров, дворов, тупиков, площадей, памятников, дорог, архитектурных сооружений) на чувства, настроения и поведение индивидов и социальных групп, обитающих в этой среде. Зарождение данной дисциплины относится к лету 1953 года, когда группа молодых авторов, художников и безработных, близких к Леттристскому Интернационалу, предприняла первые попытки исследования Парижа с целью выявления новых революционных возможностей здесь и сейчас. Психогеографичес-

кое исследование, таким образом, с самого начала не носило научный характер. Вместе с тем, психогеография нисколько не противоречит материалистическому пониманию обусловленности жизни и мыслей людей объективными (классовыми, психо-соматическими, институционально-государственными) обстоятельствами. Главный метод психогеографии — *dérive* — «бесцельное» шатание по городу в попытке осознать и зафиксировать ощущения и идеи, вызываемые конкретными урбанистическими пейзажами. «Mental Mapping», то есть изготовление воображаемых психогеографических карт города, которые могут помочь в революционной переделке социума, невозможно без творческой рефлексии и риска. (Это знали ещё Башшар ибн Бурд из Басры и Франсуа Вийон, как позднее По и Бодлер). Позже, в 1950-60-е годы, психогеография развивалась как специфическая критика капиталистического урбанизма Ситуационистским Интернационалом. Первая фиктивная психогеографическая институция (London Psychogeographical Association) была учреждена в 1957-м году. Единственным её членом являлся художник Ральф Рамни, кстати говоря, скончавшийся в Лондоне в прошлом, 2002-м, году. Однако, как непосредственная и ежедневная практика психогеография спорадически возникала и процветала то здесь, то там — в анархистской, автономной, контркультурной и радикально-демократической среде в Италии, Германии, Голландии, США, Мексике и Алжире в 1960-80-е годы. Её задача состояла в манифестации и теоретическом обосновании того печального факта, что обыденная жизнь в современных обществах контролируется и подавляется властью. Более того, психогеография должна была создать возможность практического разоблачения и преодоления этой властной манипуляции. Психогеография рассматривалась ситуационистами и их последователями как некая альтернативная творческая экспериментальная форма времяпрепровождения, как игра, развивающая революционное желание индивидов. Само собой разумеется, подобная игра не может иметь ничего общего с индустрией развлечений, туризмом, спортом или институциональным бюрократизированным искусством, а также прочими бездарными псевдокомпенсациями. Психогеография подчёркивает, что осознание идеологического давления социальной среды есть необходимое условие для продуктивной и последовательной критики нынешних обществ. Читательницы и читатели, не думайте, что дискотеки, пляжи, клубы и стадионы — это просто «кайф»! Это — промывка мозгов! Это — сон разума! Это — кишеньные чудовищ!

Вместе с истерически-депрессивным Асимом-психогеографом мы бродили по лондонскому Ист-Энду и наблюдали, как в этот всё ещё полупролетарский, полуэмигрантский район агрессивно вторгается сияющий ледекол английского бизнеса — Сити. Здания из стекла и стали, подобно гигантской прозрачной медузе, наплывали на старые кирпичные постройки, меняли конфигурацию кварталов, сеяли тихую панику и мягко захва-

тывали пространство вокруг старинного очаровательного Спитлфилд-рынка. Клерки, как саранча, истребляли еду в пакистанских ресторанчиках на Бриклэйн. «Джентрификация» взвинчивала цены на жильё, и обитатели трущоб в Хокстоне оказывались вынуждены бросить свои жилища, которые после этого стремительно ремонтировались и заселялись богатыми дизайнерами и галерейщиками. Мы следовали основным правилам ситуационистского *dérive*: группа из нескольких человек болтается по заранее выбранным кварталам, самым своим поведением разоблачая вынужденный функционализм и утилитаризм лондонцев — секретарш, привинченных к своему месту, продавцов, корчивших насильственные улыбки, покупателей, напряжённо всматривавшихся в чеки, прохожих, бегущих из супермаркета на автобусную остановку, нищих, стынувших под аркой рынка, клерков, домохозяек... К чёрту! Мы не такие! Мы заходим в бар только, чтобы облегчиться или стащить журнал, мы заходим в общественные туалеты, только чтобы начертать на стене политические лозунги, мы заходим в галерею только, чтобы поскандальить, мы движемся вдоль стен, оставляя граффити. Ничтожества, действуйте отважней! Выдумывайте! Соображайте! Психогеография — антиурбанистская практика, которая выставляет напоказ и возвращает субъекту подавленное в полицейско-конsumerистском городе желание. Психогеография — это игровая реконструкция революционного поведения, ведь только сообща люди способны перевернуть вверх дном город. Там, где сейчас царит уныние, атомизация и примирение, психогеография ищет возможности самоопределения, творческой инициативы и независимости.

В урбанистских центрах ситуационисты видели свалку товаров и ярмарку перепроизводства. Они пытались показать разницу между наличествующей в городе дохлой жизнью и тем, чем она, эта замордованная жизнь, может стать в бесклассовом обществе. То есть, совсем коротко, они демонстрировали бездну, пролегающую между освобождённым эросом и эросом профанированным. Оговоримся однако: революционное желание возникает лишь в революционной ситуации, которую нужно со-творить. Психогеография — только один маленький шаг в этом направлении, за которым должны последовать новые гигантские шаги, головокружительные прыжки и фантастические пируэты. Только тогда — в жесте перманентной эмансипации — радикальная коммунальность и солидарность, захватывающие общественное пространство в революционном натиске, разорвут с товарной логикой и бытовым фашизмом, и земное пиршество освобождённых человеческих страстей и конфликтов восторжествует в новоявленном Городе Солнца.

Но Лондон был и остаётся пока во власти туманов.

С Денисом и Сэм рыскали мы по этому сырому необъятному каменному мешку от одного «Starbucks» к другому. Денис — студент музыкального факультета одного из лондонских колледжей, гражданин Эстонии, голодный

бледный грызун. Сэм — похотливая, обезображенная чудовищным шрамом поперёк орлиного носа, дочка пакистанского генерала, у которого кроме неё ещё восемь детей, так что на денежное вспомоществование надежд никаких. Мы — парочка истощённых изоляционистской эротикой и опустошающей писаниной недоброжелателей. Растерянные, теряющие себя, создания! Каждый вечер служащие кофейной системы «Starbucks» оставляли возле дверей своих филиалов чёрные мешки с мусором, в которых нередко хранились вкуснейшие сэндвичи, шоколадные кексы, куски творожных и фруктовых тортов. Мы вспарывали эти мешки голыми руками и извлекали оттуда ценную, пахчающую, липкую добычу. Потом молча пожирали её. Эти пиршества маргиналов — смесь восторга и унижения, желудочно-анальная компенсация — будь она проклята! Лондон — ты вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, ты — дух бездушных порядков, миляга. Лондон — старый, отдающий крысиным поносом, опиум для искусственно взбудораженных толп, которые так и не обрели сознания, ибо сознание не валяется в универмагах. Лондон — приспособление для переливания крови (трупной, гнилой, мёртвой — живым, юным), ведро с расчленёнными эмбрионами, выставленное на обозрение паралитикам стриптиз-шоу.

По ночам мы писали там следующие стишки на иностранном языке:

*My name is Pat.
I have a flat.
I had a dad.
My cunt is set.*

*The English language is highly unique.
The Royal family is a cocksucking clique.*

*My dad is dead.
My flat is bad.
My mom is mad.
My cunt is red.*

*The English language is very rich.
Tony Blair is a son of a bitch.*

*My friend is sad.
My ass is fat.
I lost my head!
My cunt is wet.*

*The English language is really cool.
Rupert Murdoch is a fucking mogul.*

*I'm very glad!
My tits are flat.
I'm so upset!
My cunt is spread.*

*The English language is vivid and sweet.
Salman Rushdie is a bucket of shit.*

Великолепно, не правда ли? Слякоть! И ещё такие вирши:

*In Tower Hamlets live rats.
They look like moderate pets.
Sometimes they kill a cat or an immigrant,
But the home office thinks it's insignificant.*

*O, I'm a poor fox
Which hopes to blow up a coconut box!*

*In Knightsbridge live cockroaches,
Full of bourgeois approaches.
They love to creep on the belly of a maid.
The parliament thinks it's a British fate.*

*O, I'm a poor fox
Which hopes to blow up a coconut box!*

*In Earl's Court live mad bedbugs.
To them sucking blood is like taking drugs.
They dream of living in the Queen's slimy brains.
They already do, Prince Harry complains.*

*O, I'm a poor fox
Which hopes to blow up a coconut box!*

*On Piccadilly lives a milliard of mice.
Be aware of them, stupid vermin guys!
At night they enter your shitty butts,
Says the police, and eat your guts.*

*O, I'm a poor fox
Which hopes to blow up a coconut box!*

*On Trafalgar Square live pigeons.
They are loved by all fucking religions.
But they are simply selfish and dull.
The prime minister says that's perfect for every skull!*

*O, I'm a poor fox
Which hopes to blow up a coconut box!*

И, наконец, такие:

*This is not a song.
It is a gong.
Bing! Bong!
To whom do you belong?
What do you think of Armstrong?
Have you been in Hong Kong?
Do you like to play ping-pong?
Do you remember the Vietcong?
Ding-dong! Ding-dong!
Democracy is gone.
Ding-dong! Ding-dong!*

*This is not a song.
It is a gong.
Bing! Bong!
Is there something wrong?
Are you still strong?
To whom do you belong?
Did you sleep all nightlong?
Do you want a croissant?
Ding-dong! Ding-dong!
Democracy is gone.
Ding-dong! Ding-dong!*

*This is not a song.
It is a gong.
Bing! Bong!
Have you ever been in a throng?
To whom do you belong?
Have you ever been headstrong?
Can you tell the crowds to move along?
Do you like to sit in a chaise longue?
Ding-dong! Ding-dong!*

*Democracy is gone.
Ding-dong! Ding-dong!*

Маркс в своём лондонском очерке «Лорд Джон Рассел» (1855) писал: «Лорд Джон Рассел любил цитировать старый вигский афоризм, согласно которому «партии похожи на улиток, у которых голова приводится в действие хвостом». Вряд ли он предполагал, что хвост, ради собственного спасения, отрубит голову. А лорд Рассел, если и не был главой последнего из вигских кабинетов, был, бесспорно, главой партии вигов. Берк сказал однажды: «Число угодий, поместий, замков, лесов и т.д., отнятых Расселами у английского народа, просто невероятно (quite incredible)». Ещё более невероятной была бы слава, которой пользуется лорд Джон Рассел, и та выдающаяся роль, которую он имел смелость играть в течение более четверти столетия, если бы ключом к этой загадке не являлось «число поместий», захваченных Расселами».

Маркс — прекрасный писатель. Хвост, тем не менее, всё ещё не отрубил голову. «Расселы» продолжают отнимать «поместья и угодья» — и у английского, и у некоторых иных народов. И громовая слава «Расселов» несколько не идёт на убыль (масс-медиа стараются). Именно благодаря всем этим обстоятельствам город Лондон прекрасен, и в нём всюду идут часы. Сердце — даже самое страстное, самое непримиримое — может только отстать от Большого Бена. Темза катится к морю, раздутая, словно вена, и буксиры в Челси дерут басы.

У-у-у-у-у-у-у-у-у! У-у-у-у-у!

Только не подумайте, дорогие читатели и читательницы, что мы тут хотели внушить вам, что, мол, Лондон — это его счастливые или злосчастные обитатели, всякие там Асимы, Денисы и Али, Барбары и Александры. Ничего подобного, чушь. Лондон, каков он был и есть, — это мясорубка, молотилка, машина по перемалыванию всех и всяческих индивидов (и их желаний), мельница, железная утроба, кофемолка, бумагорезка. Хотелось бы только надеяться, что он в этом своём качестве всё-таки не Perpetuum Mobile.

Нет ничего более бесполезного, ничего более мерзкого, ничего более глумливого, ничего более ехидного, ничего более издевательского, ничего более мизерного, ничего более пошлого, ничего более калечащего, чем современные «мегаполисы». Лооооондон, Лоооооондон, Лоооооооооондон — звучит как стон имбицила. Когда-то было сказано: «идиотизм деревенской жизни». Позднее было замечено: «где воняет дерьмом — там запах бытия». Лондон весь провонял дерьмом и идиотизмом, деньгами и нищетой духа, паршивая мировая деревня, ёбаная Голгофа, политическое бессознательное, бля.